

Одна дома

«100 футов» Эрика Рэда

смотрела Татьяна Алешичева

СТРАННО, что российские прокатчики, которые охотно придумывают импортным фильмам самые фантастические названия вместо оригинальных, на этот раз сохранили невнятные «100 футов». На тридцать метров может отойти от условного центра квартиры преступница Марни Уотсон (Фамке Янсен), помещенная под домашний арест. Послушание Марни контролирует браслет на лодыжке. Если она выйдет из дома, он начнет истошно верещать и противно мигать, а если задержится за пределами тридцатиметрового круга дольше трех минут, из ближайшего участка примчится зондеркоманда и закакает ее обратно в тюрьму на ближай-

шие десять лет за нарушение режима. Дистанция довольно изуверская, ведь даже спустившись в подвал, Марни окажется за чертой. В таком уголовно-процессуальном состоянии она должна провести целый год.

Наказание кажется чрезмерным. Да, она убила собственного мужа Майка (Майкл Парэ). Зарезала кухонным ножом. Только случилось это в аффекте и было чистой самозащитой. Майк, оборзевший от власти и вседозволенности полицейский, годами методично избивал ее, профессионально не оставляя синяков, и все шло к тому, что убьет совсем. А теперь Марни курирует не кто иной, как его напарник

Шэнкс (Бобби Карнавале), который, вместо того чтобы принять меры, годами скрывал за явления, которые Марни писала на садиста-мужа.

Режиссер Эрик Рэд — профи хоррора, хорошо знает традицию. И предпочитает примитивным пугалкам продуманные композиции. Это он сочинил сценарий хрестоматийного «Попутчика» (1986), где Рутгер Хауэр сыграл персонифицированное зло, бесстрастное и безжалостное как судьба. А в «Частях тела» (1991; скорее «Расчлененка») использовал бродячий сюжет про руку-имплантант, которая выдвигается независимо от хозяина, пересмыслив классический ужас немого кино «Руки Орлака». Респект Хичкоку выказан именем героини, хотя сюжет никак не связан с хичкоковским шедевром «Марни» (1964). Скорее тут имеется в виду принцип саспенса, некогда сформулированный мэтром: показать зрителю опасность, которой не видит персонаж, и так заста-

вить болеть за бедолагу, который мечется по экрану. В данном случае Марни продолжает досаждать скотина Майк, так и не утомившийся после смерти, — полицейский Шэнкс, нап-

ример, не верит в призрак, а он есть. При чем сам Рэд ограничивает себя в средствах почти так же, как свою героиню — в передвижении. И извлекает максимум из простейшего, наполняя квартиру Марни зловещими тенями и шорохами, нагружая неторопливый вязкий сюжет мотивировками. Так работали в малобюджетном кино: не можешь позволить себе спецэффекты — заставь работать эффект неожиданности и страх неизвестности.

Другое дело, что, несмотря на все старания, Рэд, похоже, подрастерял хватку — местами и правда страшно, но в целом действие волочится через пень-колоду, а какой хичкоковский потенциал упущен в мотиве возможного сумасшествия Марни. Шэнкс подозревает, что тетка в одиночестве просто спятила, но, к сожалению, Рэд никак не обыгрывает такой богатый материал. А ведь начини она сомневаться в собственной нормальности, история выглядела бы более зловещей, чем бытовые салочки с призраком.

В прокате с 28 мая

От каждого по лицу

«Папе снова 17» Барра Стирса

удивляется Татьяна Алешичева

НОВУЮ ШКОЛЬНУЮ КОМЕДИЮ с Заком Эфроном поначалу можно принять за тинейджерский продукт, рассчитанный на юных поклонниц фаворита диснеевской студии. Первая же сцена копирует зачин самой успешной дисней-франшизы Эфрона «Классный мюзикл»: разгоряченный красавчик Зак в спортивных трусах и майке скачет по баскетбольной площадке с мячиком, окруженный кордебалетом из школьниц-чирлидерш. Однако затем, если говорить о целевой аудитории, фильм уходит в сторону и передает ностальгический привет body swap movie (комедия про обмен телами) 1980-х. То есть вполне может привлечь и прежних поклонников классики жанра, например «Большого» (1988) с Томом Хэнксом.

Эфрон играет малолетнего Майка О’Доннелла, звезду школьной баскетбольной команды, которому светит стипендия для поступления в колледж, но только по итогам решающего матча. Как назло, ровно за минуту до игры выясняется, что его девушка Скарлетт (Лесли Манн) беременна. Хороший мальчик судьбоносно

решает жениться — за какое решение ежедневно пилит осчастливленную Скарлетт все следующие двадцать лет семейной жизни, притом уже не в виде свежего Эфрона, а в виде Мэтью Пэрри, неудачника с пузом и офисной одышкой. Конфликт неуклонно ведет к разводу, когда вечно причитающий на тему «где мои семнадцать лет» Майк натывается на Санта-Клауса секунд-хенд. Старичок отбаскетболивает его назад в юное тело Эфрона и в ту самую школу, где теперь учатся его дети Алекс (Стерлинг Найт) и Мэгги (Мишель Трахтенберг), чтобы дать зануде, как у них говорится, еще один шанс.

По ходу дела фильм начинает впадать в прямо-таки иронию насчет канонов, по которым его делали. Что совершенно неожиданно для задушевной семейной комедии — ведь жанр, который держится на харизме звезды, обычно не допускает ни черного юмора, ни иронической дистанции, которые могут легко эту харизму подпортить. А тут портят с удовольствием: взрослая Скарлетт, сбивая с толку сходством молодого парня со

своим мужем, протягивает руку к приторной физиономии Эфрона и с довольно странным выражением лица треплет его за щеки, все больше в них вцепляясь, так что подруга вынуждена ее оттащить. Вслед за этим стеб над фильмами с участием кумира малолеток разрастается, под разными предлогами Эфрона хлещут по прекрасному фасаду практически все персонажи.

Создатели фильма не скрывают ностальгии и помещают в финальные тит-

ры собственные фото из школьных альбомов. Но также прицельно ее высмеивают в образе богатого кидалта Неда (Томас Леннон), который носит эльфийские ушки и коллекционирует джедайские мечи. Таким образом, зрители разных категорий при желании обнаружат здесь требуемое: школьницы — Эфрона, сентиментальные старые перечники — ловкий закос под восьмидесятые, а остальные — беззлобную усмешку над тем и другим.

В прокате с 28 мая